

А. В.
АМФИТЕАТРОВ

∞
Избранное

∞

Александр Амфитеатров
Отравленная совесть (пьеса)

«Public Domain»

1908

Амфитеатров А. В.

Отравленная совесть (пьеса) / А. В. Амфитеатров — «Public Domain», 1908

«Гостиная въ домѣ Верховскихъ. Богатая обстановка. Людмила Александровна одна передъ зеркаломъ. Входитъ Олимпиада Алексѣевна Ратисова. Олимпиада Алексѣевна. Скажите пожалуйста! Любуется!<p id="___DdeLink__37768_302074405">Людмила Александровна. Липочка! Олимпиада Алексѣевна. Здорова? что дѣти? Степанъ Ильичъ? Впрочемъ, по лицу вижу, что все благополучно. Вѣдь ты, когда въ домъ не ладно, сама на себя не похожа. А сегодня совсѣмъ въ аккуратѣ и даже передъ зеркаломъ вертишься...»Произведение дается в дореформенном алфавите.

Содержание

Действующие лица	5
Дѣйствіе I	6
Дѣйствіе II	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Александр Валентинович Амфитеатров

Отравленная совесть

Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ

ПОСВЯЩАЕТСЯ

Гликеріи Николаевнѣ Ѳедотовой

Дѣйствующія лица

Степанъ Ильичъ Верховскій, директоръ банка, 56 лѣтъ.

Людмила Александровна, его жена, 36 лѣтъ.

Митя, 17 лѣтъ.

Лида, 16 лѣтъ.

Яковъ Юсифовичъ Ратисовъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, не служитъ, 48 лѣтъ.

Олимпіада Алексѣевна, его жена, 39 лѣтъ; по первому браку, мачеха Людмилы Александровны.

Андрей Яковлевичъ Ревизановъ, 44 лѣтъ.

Петръ Дмитріевичъ Синевъ, судебный слѣдователь, дальній родственникъ Верховскихъ, лѣтъ подъ 30.

Аркадій Николаевичъ Сердецкій, литераторъ, 48 лѣтъ.

Леони, наѣздница.

Горничная.

Человѣкъ въ гостиницѣ.

Дѣйствіе въ Москвѣ, въ восьмидесятихъ годахъ¹.

¹ Первые исполнители ролей: въ Москвѣ у Корша – г-жи Азагарова (Людмила), Шаровьева (Олимпіада), Луаре (Леони); гг. Вязовскій (Верховскій), Свѣтловъ (Ревизановъ), Яковлевъ (Сердецкій), Константиновъ (Синевъ), Смодяковъ (Митя). // Въ Петербургѣ – въ томъ же порядкѣ ролей – г-жи Яворская, Некрасова-Колчинская. Адашева; гг. Тройницкій, Бравичъ, Михайловъ, Тинскій, Орленевъ.

Дѣйствіе I

Гостиная въ домъ Верховскихъ. Богатая обстановка.

Людмила Александровна одна передъ зеркаломъ. Входитъ Олимпіада Алексѣевна Ратицова.

Олимпіада Алексѣевна. Скажите пожалуйста! Любуется!

Людмила Александровна. Липочка!

Олимпіада Алексѣевна. Здорова? что дѣти? Степанъ Ильичъ? Впрочемъ, по лицу вижу, что все благополучно. Вѣдь ты, когда въ домъ не ладно, сама на себя не похожа. А сегодня совсѣмъ въ аккуратѣ и даже передъ зеркаломъ вертишься.

Людмила Александровна. Начались милыя выраженія.

Олимпіада Алексѣевна. А ты ко мнѣ снисходи. Не всѣмъ же быть сшитыми по твоей кройкѣ. Ты у насъ одна въ имперіи. Мой супругъ, – на что дуракъ! – и тотъ говоритъ о тебѣ не иначе, какъ самымъ высокимъ штилемъ. Я совѣтую тебѣ за него замужъ пойти, если съ нимъ разведусь, а твой Степанъ Ильичъ, сохрани Богъ...

Людмила Александровна. Липа, не болтай вздора.

Олимпіада Алексѣевна. Не могу, это выше силъ моихъ. Какъ вышла изъ института, распустила языкъ, такъ и до старости дожила, а сдержать его не умѣю.

Людмила Александровна. А ты уже записалась въ старухи?

Олимпіада Алексѣевна. По секрету, милая. Намъ съ тобой нечего чиниться другъ передъ другомъ, обѣимъ по тридцати шести.

Людмила Александровна. Ой, Липа! Какъ же это? Мнѣ-то, дѣйствительно, тридцать шесть, а вѣдь ты старше меня на три года!

Олимпіада Алексѣевна. Да? Ну, значить, съ нынѣшняго дня будетъ тебѣ тридцать три, потому что я больше тридцати шести имѣть не желаю. А, Впрочемъ, не все ли равно? Развѣ годы дѣлаютъ женщину? Лѣта c'est moi! Кто мнѣ дастъ больше тридцати? О тебѣ же и рѣчи нѣтъ. Помню тебя дѣвочкою: красавица была; помню барышней – тоже хоть куда. Замужъ вышла, пошли дѣти, – подурнѣла, стала такъ себѣ; а теперь расцвѣла, прелесть, и только. Впрочемъ, зеркало передъ тобою.

Людмила Александровна. Х-а-ха-ха!

Олимпіада Алексѣевна. Нечего смѣяться, правду говорю. А если не вѣришь на слово, что мы еще можемъ постоять за себя, вотъ тебѣ документа.

Людмила Александровна. Что такое?

Олимпіада Алексѣевна. Billet doux. Такъ это называется. «Обожаемая Олимпіада Алексѣевна! Давно скрываемое пламя любви»... и прочая, и прочая. Сегодня получила. И ему двадцать два года. Нѣтъ, старая гвардія умираетъ, но не сдается!

Людмила Александровна. Любовная записка? Вотъ чего я никогда не получала. Покажи.

Олимпіада Алексѣевна. О, невинность!

Людмила Александровна (*возвращаетъ письмо*). Глупо-то, глупо какъ!

Олимпіада Алексѣевна. Это тебѣ съ непривычки. А мнѣ ничего, даже очень аппетитно. Я вѣдь специалистка, всю жизнь провела за этою корреспонденціей. И теперь пишу.

Людмила Александровна. Вотъ какъ.

Олимпіада Алексѣевна. Право, пишу. Особенно артистамъ, которые въ модѣ.

Людмила Александровна. И отвѣчаютъ?

Олимпіада Алексѣевна. А что имъ еще дѣлать-то?

Людмила Алексѣевна. А мужъ какъ смотритъ на твои подвиги?

Олимпіада Алексѣевна. Очень онъ мнѣ нуженъ. Состояніе мое и воля моя. Попутала меня нелегкая съ этимъ бракомъ.

Людмила Александровна. Если не любишь Ратисова, зачѣмъ вышла за него? Кто неволилъ?

Олимпіада Алексѣевна. Думала, что онъ – порядочный человѣкъ, мужчина, а онъ размазня, тряпка, губка... Ты своего Степана Ильича хоть и не любишь...

Людмила Александровна. Это кто тебѣ сказалъ?

Олимпіада Алексѣевна. Логика. Онъ старше тебя на двадцать лѣтъ.

Людмила Александровна. Лжетъ твоя логика. Замужъ я шла, дѣйствительно, не любя. Но теперь я, право, даже и представить себѣ не могу, какъ бы я жила не въ этомъ домѣ, не со своимъ Степаномъ Ильичемъ, безъ Мити, безъ Лиды...

Олимпіада Алексѣевна. Ну, тебѣ и книги въ руки. Не очень-то я тебѣ вѣрю. Сама жила за старымъ мужемъ: ученая!.. Неужели ни одинъ мужчина не интересовалъ тебя въ эти годы?

Людмила Александровна. Послѣ замужества? Ни одинъ.

Олимпіада Алексѣевна. Даже Аркадій Николаевичъ?

Людмила Александровна. Какъ тебѣ не стыдно?

Олимпіада Алексѣевна. Да я ничего... болтали про васъ много въ свое время... Ну, и преданъ онъ тебѣ, какъ пудель... Спроста этакъ не бываетъ.

Людмила Александровна. Аркадій Николаевичъ былъ мнѣ вѣрнымъ другомъ и остался. Между нами даже разговора никогда не было такого, какъ ты намекаешь, романтического.

Олимпіада Алексѣевна. Вамъ же хуже: чего время теряли? Сердецкій – и умница, и знаменитость... чего тебѣ еще надо? Ну, да ваше дѣло: кто любитъ сухую клубнику, кто со сливками, – зависитъ отъ вкуса... Итакъ, ни одинъ?

Людмила Александровна. Ни одинъ.

Олимпіада Алексѣевна. А меня, кажется, только одинъ не интересовалъ: мой мужъ. Однако, что это я завела все о мужьяхъ, да о мужьяхъ? Веселенькій сюжетецъ, нечего сказать. А, знаешь, не думала я, что изъ тебя выйдетъ недотрога. Въ дѣвкахъ ты была огонь. Я ждала, что ты будешь ой-ой-ой!

Людмила Александровна. Что-то не помню въ себѣ подобныхъ задатковъ.

Олимпіада Алексѣевна. Ну, какъ не помнить? Да – что далеко ходить? Ревизанова развѣ позабыла? Чего мнѣ стоило отбить его у тебя... Ну-ну! Мила! глупая! Зачѣмъ же блѣднѣть? Даже губы побѣлѣли...

Людмила Александровна. Вовсе нѣтъ, что ты выдумываешь?

Олимпіада Алексѣевна. Ой-ой-ой! сударыня, злопамятна же ты. Пора бы простить и смѣяться надъ прошлымъ. Невѣсть сколько лѣтъ вы разстались...

Людмила Александровна. Ахъ, перестань, Липа! Ты знаешь, что мнѣ не могутъ быть пріятны воспоминанія объ этомъ человѣкѣ.

Олимпіада Алексѣевна. Да, красиво вель себя мальчикъ, – удавить, и то, пожалуй, не жалко. Хоть ты и злилась на меня в то время, зачѣмъ я стала между вами, а ты должна записать меня въ поминаніе, за здравіе рабы Олимпіады. Не вскружи я Андрею Яковлевичу голову, быть бы тебѣ за нимъ.

Людмила Александровна. Ахъ, Липа!

Олимпіада Алексѣевна. А изъ него, Милочка, вышелъ, говорятъ, превеликій мерзавецъ...

Синевъ (входитъ). Батюшки! кто это здѣсь произноситъ столь жестокія слова?... Здравствуйте, кузина. Здравствуйте; неувыдаемая тетушка... Кого вы изволите громить, тетя Липа?

Садится.

Олимпиада Алексѣевна. Стоящаго человѣка.

Синевъ. А имя такового?

Олимпиада Алексѣевна. Андрей Яковлевичъ Ревизановъ.

Синевъ. О!..

Людмила Александровна. Вы знакомы?

Синевъ. Встрѣчаемся... Да-съ, это гусекъ! Какъ его не знать? Онъ всю московскую зиму переполнилъ шумомъ своихъ успѣховъ. Кто скупилъ чуть ли не всѣ акціи Черепановской дороги? Ревизановъ. Кто пожертвовали пятьдесятъ тысячъ въ пользу голодающихъ черногорцевъ? Ревизановъ. Кто съѣлъ ученую свинью изъ цирка? Ревизановъ. Чей рысакъ взялъ первый призъ на бѣгахъ? Ревизанова. Чей миллионный процессъ выигралъ Плевако? Ревизановскій. У кого на содержаніи Леони самая шикарная въ Москвѣ кокотка? У Ревизанова.

Людмила Александровна. Чѣмъ онъ собственно занимается?

Синевъ. Состоитъ въ званіи интереснаго незнакомца.

Олимпиада Алексѣевна. Я первая его отлично знаю.

Синевъ. Съ чѣмъ васъ и поздравляю.

Людмила Александровна. Онъ старый нашъ знакомый, Петръ Дмитриевичъ. Мой отецъ поставилъ его на ноги, вывелъ въ люди.

Синевъ. Помню и знаю. Но между тогдашнимъ Ревизановымъ и настоящимъ пропасть. Тотъ былъ бѣднякъ, этотъ капиталистъ, тотъ кандидатъ въ герои романа, этотъ изъ героевъ герой.

Людмила Александровна. Вы шутите?

Синевъ. И да, и нѣтъ. Я хотѣлъ бы рассказать вамъ біографію Ревизанова, но у него нѣтъ біографіи. Есть легенда. Факты вотъ. Ревизановъ былъ дважды женатъ на богатѣйшихъ купчихахъ и, вдовѣя, получалъ въ оба раза чуть не по миллиону въ наслѣдство. У него золотой промыселъ въ Сибири. Онъ строилъ Сѣверскую дорогу. Онъ директоръ и повелитель Сѣвернаго банка. На Волгѣ и Камѣ у него свое пароходство. Вотъ и все. Затѣмъ начинается легенда, то есть слухи и сплетни. Прикажете сплетничать?

Людмила Александровна. Пожалуйста.

Голосъ Мити, поющаго куплеты изъ «Карменъ».

Олимпиада Алексѣевна. Что же ты?

Синевъ. Юношество грядетъ, учающаяся молодежь. При ней не дерзаю.

Митя входитъ бойко и весело, но, увидавъ Олимпиаду Алексѣевну, конфузится.

Митя. Здравствуй, мама.

Робко кланяется Олимпиаде Алексѣевнѣ.

Людмила Александровна. Здравствуй. Отчего такъ рано?

Митя. Физика не пришла. Распустили послѣ большой перемѣны.

Олимпиада Алексѣевна. Какой Митя у тебя хорошенькій становится, Мила.

Синевъ. А вамъ нельзя не замѣтить? О, неисправимая тетушка! (*Митя*). И ты тоже хорошъ! Такая, можно сказать, неподражаемая со всѣхъ сторонъ дама тебя хвалить, а ты краснѣешь, конфузишься... Стыдись! «Мужчина долженъ быть свирѣпъ», говоритъ испанская пословица.

Людмила Александровна. Оставьте Митю в покоѣ.

Синевъ. Уму-разуму учу: я буду тлѣть, а онъ цвѣсти. Ты, Митя, не стѣсняйся: тетушка тебѣ слово, а ты ей – двадцать; она тебѣ: ахъ! хорошенькій! – а ты ей: смотрите и страдайте.

Людмила Александровна. Какіе вы оба с Олимпіадою несносные пустословы!.. Липа! пойдемъ ко мнѣ... Я покажу тебѣ новые мои туалеты: это по твоей части.

Олимпіада Алексѣевна. Еще бы не по моей! Не иду – лечу! (*проходя мимо Мити*). А ты все дичишься меня, волчекъ?

Синевъ. В самомъ дѣлѣ, Митька, зачѣмъ ты глядишь на тетушку такимъ сконфуженнымъ быкомъ?

Митя. Ну ее!..

Синевъ. Глупо. Подобныхъ дамъ юноша твоего возраста долженъ цѣнить на вѣсь золота. День для нихъ прошелъ, вечеръ не наступилъ, а развлечения сердце дамское требуетъ.

Митя. Не люблю я ее... Говоритъ она какъ-то эдакъ... какъ будто и ничего особеннаго, а покраснѣешь отъ ея разговора... Смотритъ, ухмыляется...

Синевъ. Увы, мой другъ! Отъ своей судьбы не уйдешь. И думается мнѣ, что никто другая, какъ блистательная Олимпіада, и есть твоя судьба. Вашъ братъ, молокососъ, самой природой приспособленъ для сихъ сорокалѣтнихъ пожирательницъ мужчинъ.

Митя. Вѣришь ли, какъ не люблю ее, какъ она мнѣ надоѣла: даже по ночамъ снится стала.

Синевъ. Даже по ночамъ снится? *Finita la comedia*: сдавайся на капитуляцію, – и да будетъ надъ тобою благословеніе твоего добраго, стараго дяди. Загѣмъ прощай... Къ обѣду я вернусь, а до тѣхъ поръ мнѣ предстоитъ привести въ совѣсть и чувство одного неблаговоспитаннаго конокрада.

Верховскій и Ревизановъ входятъ.

Верховскій. Пожалуйте сюда, милости просимъ, батюшка Андрей Яковлевичъ. Вотъ гость, такъ гость! Прямо скажу: не жданный, но радостный... Гдѣ Людмила?... А! Митяй! Здравствуй! И ты тутъ, Петенька?... Андрей Яковлевичъ! Вамъ, чай, и не узнать этого молодца?

Ревизановъ. Петръ Дмитріевичъ Синевъ, – не правда ли? Я помню васъ еще мальчикомъ въ курточкѣ. Я памятьливъ на лица и имена.

Синевъ. Качество королей.

Верховскій. Служить, батюшка Андрей Яковлевичъ, судебный слѣдователь и на отличнѣйшей дорогѣ, Станислава имѣеть... Анну. Аль Анны-то у тебя, Петя, нѣту?

Синевъ. Нѣту, Степанъ Ильичъ, поторопились. Нѣту.

Верховскій. Нѣтъ такъ будетъ, непременно будетъ, ты не горюй!

Синевъ. С чего мнѣ?! помилуйте!

Верховскій (*подводитъ Митю*). А это мой. Видите: весь в мать. Со мною точно на смѣхъ – ни черточки схожей, а мой баловень. Да что же это, Людмила? гдѣ она? Людмила Александровна! Людмила Александровна!

Людмила Александровна и Олимпіада Алексѣевна входятъ.

Ревизановъ *кланяется*. Людмила Александровна...

Она отвѣчаетъ ему очень холодно.

Ревизановъ. Кого я вижу? Вы ли это, Олимпіада Алексѣевна?

Олимпіада Алексѣевна. Развѣ я такъ перемѣнилась?

Ревизановъ. О, да! – но к лучшему.

Олимпіада Алексѣевна. Какъ и вы. Вы всегда смотрѣли такимъ... джентльменомъ, а теперь стали точно принцъ Уэльскій.

Синевъ. Вошла въ колею... А конокрадъ-то мой дожидается. Сбѣжать подъ шумокъ...
(берется за шляпу).

Олимпіада Алексѣевна. Петя, ты на службу?

Синевъ. Да, тетушка, время.

Олимпіада Алексѣевна. Я подвезу тебя: я на своихъ лошадяхъ... Надѣюсь, Андрей Яковлевичъ, что, навѣстивъ одну старую знакомую, вы и другой не забудете, посѣтите меня?

Ревизановъ. Мнѣ остается только просить извиненія, что я раньше не былъ у васъ.

Олимпіада Алексѣевна. Смотрите же, я буду ждать. До свиданія, Мила, до свиданія, Степанъ Ильичъ. Руку, Петя.

Уходятъ, въ сопровожденіи Мити.

Верховскій. Присаживайтесь, Андрей Яковлевичъ... Такъ-то, такъ-то, батюшка. Сколько лѣтъ, сколько зимъ не видались! что воды утекло!

Ревизановъ. Да, перемѣнь не сосчитать. И въ людяхъ, и въ обстоятельствахъ.

Верховскій. Взять хоть бы васъ, дорогой: куда широко шагнули. Тузь изъ тузовъ, рукою васъ не достанешь.

Ревизановъ. О, что вы, Степанъ Ильичъ!

Верховскій. А безъ лести скажу: остались такой же милый, непритязательный, простой, какъ были... Давно пожаловали къ намъ въ Белокаменную?

Ревизановъ. Второй мѣсяць.

Верховскій. Одни или съ супругою?

Ревизановъ. У меня нѣтъ семьи, Степанъ Ильичъ. Я вдовецъ.

Людмила Александровна. Я слышала, – даже дважды.

Ревизановъ. Совершенно справедливо, Людмила Александровна, дважды.

Верховскій. Ого! Значить, искушены супружескимъ опытомъ вполне?

Ревизановъ. И сытъ этимъ опытомъ по горло.

Верховскій. На третій брачный дебютъ не посягаете?

Ревизановъ. Ни въ какомъ случаѣ. Развѣ ужъ влюблюсь безумно... но это мнѣ не по годамъ.

Людмила Александровна. Къ тому же, безумно любить три раза въ жизни – не слишкомъ ли много счастья для одного человѣка?

Ревизановъ. Вы ошибаетесь: я не любилъ своихъ покойныхъ женъ.

Людмила Александровна. Откровенно.

Ревизановъ. Къ чему же скрывать? Мы люди дѣловые, коммерческіе, и браки у насъ дѣло коммерческое, сдѣлка по договору. У людей обыкновенныхъ душа выходитъ за душу, тѣло за тѣло, любовь за любовь. А у насъ деньги выходятъ за деньги же, либо за умъ, за распорядительность, дѣловитость. Касса, молъ, ваша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ: приди володѣти и княжити ею. Моей первой супругѣ былъ нуженъ, по ея огромнымъ, но разстроеннымъ дѣламъ, хороши приказчикъ на отчетъ. Выборъ ея палъ на меня. Она предложила мнѣ, вмѣсто всякаго контракта, свою руку. Я принялъ и не раскаялся. Вторая моя жена крупная пароходовладѣлица, вышла за меня, чтобы объединить въ одномъ дѣлѣ два капитала, мой и свой: до брака мы конкурировали, а, обвенчавшись, стали не только въ плоть, но и въ кассу едину... и затрещали наши конкуренты.

Людмила Александровна. Вамъ бы ужъ и продолжать въ томъ же духѣ... Зачѣмъ же вы ищете для третьяго брака «безумной любви»? Даже непослѣдовательно.

Ревизановъ. Затѣмъ, что я достаточно богатъ, чтобы позволить себѣ эту маленькую роскошь, и, безъ нея, жениться болѣе не намѣренъ.

Людмила Александровна. Не надѣетесь найти достойную?

Ревизановъ. Если хотите, да.

Верховскій. Ой, батюшка! заѣдятъ васъ за эти слова наши дамы.

Ревизановъ. Женщинъ, стоящихъ любви, очень мало на свѣтѣ. Женщинамъ придають смыслъ и цѣну только тѣ, кто ихъ любятъ. Элоиза хороша потому, что ее любилъ Абеларъ, Манонъ Леско интересна потому, что ее любилъ шевалье де Гріе. Я не охотникъ до женщинъ, чтобы полюбить которыхъ, надо сперва влюбить въ ихъ мужей и любовниковъ.

Верховскій. Ха-ха-ха! да вы шутникъ, Андрей Яковлевичъ.

Людмила Александровна. А другого типа женщинъ вы не встрѣчали въ своей... бурной жизни

Ревизановъ. Встрѣтилъ... одну. Давно... И – вѣчная исторія о пѣтухѣ и жемчужинѣ! не узналъ ея и оскорбилъ, глупо, безсовѣстно, пошло, по-мальчишески оскорбилъ. И она отвергла меня. Какъ сейчасъ, помню ея негодующій взглядъ – взглядъ ангела въ день судный... Какъ я былъ побѣжденъ тогда! какъ раздавленъ!.. О, больше уже никто, никогда въ жизни не одерживалъ надо мною такой побѣды. Бываютъ моменты, которые остаются жить въ сердцѣ, какъ кровоточныя ранки, которыя заживаютъ лишь тогда, когда расквитаешься за обиду... Я со своею обидчицею такъ и не расквитался.

Горничная подаетъ Степану Ильичу пакетъ съ бумагами.

Верховскій. Ага! изъ банка... Простите, Андрей Яковлевичъ, я оставлю васъ на четверть часа, спѣшныя бумаги, требуютъ моей подписи... Милочка! займи нашего гостя. Обѣдаете вы, конечно, у насъ?

Ревизановъ. Прошу извинить: я отозванъ къ Лазарю. Но посидѣть у васъ нѣсколько минутъ, если позволить Людмила Александровна, посижу съ удовольствіемъ.

Верховскій. Я сейчасъ, сейчасъ...

Уходитъ.

Продолжительное молчаніе.

Людмила Александровна. Я не ждала видѣть васъ въ своемъ домѣ.

Ревизановъ. Я еще того менѣе. Всею виною случайная встрѣча и любезность вашего супруга. Но тѣмъ лучше. Я, все равно, хотѣлъ видѣть васъ непременно. И – наединѣ, по весьма важному дѣлу. Не сегодня, такъ завтра я просилъ бы у васъ свиданія. Позвольте мнѣ сѣсть?

Людмила Александровна. Развѣ разговоръ будетъ длинный?

Ревизановъ. Зависитъ отъ васъ.

Людмила Александровна. Нельзя ли, во всякомъ случаѣ, поскорѣе къ дѣлу?

Ревизановъ. Какъ вы спѣшите! Какой рѣзкій тонъ! Знаете ли, это даже не-хорошо въ отношеніи стараго пріятели. Я прихожу къ вамъ не врагомъ, но съ чувствомъ глубокаго, искренняго расположенія и раскаянія.

Людмила Александровна. Мы старые пріятели? Ваше расположеніе? Ваше раскаяніе? Смѣшно слушать!

Ревизановъ. Это презрѣніе?

Людмила Александровна. Нѣтъ, просто дѣйствіе давности. Людмила Рахманова, которую вы когда-то знали и обманули, умерла. Людмила Верховская судитъ ее, какъ судила бы любую изъ своихъ знакомыхъ дѣвочекъ, случись съ нею такое же несчастіе. Мнѣ жаль ее, но нѣтъ до нея дѣла.

Ревизановъ. Такъ-съ. Слѣдовательно, вамъ, Людмилѣ Александровнѣ Верховской, будетъ безразлично, если кто-нибудь возьметъ, да и огласитъ дѣвическій грѣшокъ Милочки Рахмановой?

Людмила Александровна. Что это? шантажъ?

Ревизановъ. Зовите, какъ хотите. Я не боюсь словъ. Ахъ, Людмила Александровна! пустяя это рѣчи – о давности. Прошлое власть, и горе тому, кто чувствуетъ ее надъ собою.

Людмила Александровна. Вы хотите показать мнѣ свою власть? Я въ нее не вѣрю.

Ревизановъ. Не обманывайте себя: вѣрите.

Людмила Александровна. Нѣтъ и нѣтъ. Что можете вы сдѣлать? Разказать свѣту нашъ забытый романъ? Кто же вамъ поварить? Да, если и повѣрятъ, кто же придастъ значеніе такой старой исторіи? Вы даже не испортите мнѣ моего семейнаго счастья: мой мужъ слѣпо вѣритъ въ меня.

Ревизановъ. Тѣмъ грустинѣе было бы ему узнать, что вѣритъ не слѣдовало. Конечно, дѣвическій грѣшокъ не будетъ въ состояніи совершенно уничтожить ваше положеніе въ обществѣ. Ну, посмѣются заднимъ числомъ, подивятся, какъ это холодная, цѣломудренная Людмила Верховская умѣла отыскивать въ своей душѣ страстные звуки, когда писала къ Андрею Ревизанову.

Людмила Александровна. Ахъ, эти письма!

Ревизановъ. Они всѣ цѣлы. Что, если, напримѣръ, я явлюсь съ вашими письмами къ вашему сыну и скажу ему: я – твой отецъ? Пусть я не докажу своихъ словъ, но вѣдь и вамъ нечѣмъ опровергнуть мое обвиненіе. А въ семьѣ-то... говорятъ; она у васъ рай земной... въ семьѣ-то вѣдь адъ начнется?

Людмила Александровна. Довольно. Вы сильны, вы очень сильны. Радуйтесь: я боюсь васъ. Но зачѣмъ вамъ это, зачѣмъ? Чего вы хотите отъ меня?

Ревизановъ. Много.

Людмила Александровна. Не денегъ же: вы неизмѣримо богаче меня.

Ревизановъ. Конечно, не денегъ. Нѣтъ... Любви.

Людмила Александровна. Какъ?!

Ревизановъ. Сядьте, успокойтесь. Да, я прошу вашей любви. Я влюбленъ въ васъ. Влюбленъ... какъ мальчишка. Послушай же, Людмила...

Людмила Александровна. Какъ вы смѣете!

Ревизановъ. Виновать... Людмила Александровна. Я часто бываю въ Москвѣ и много слышалъ о васъ и все хорошее. Верховская красавица, Верховская умница, Верховская воплощенная добродѣтель. И, каждый разъ, что-то щипало меня за сердце. Красавица, да не твоя. Умница, да ты потерялъ ее, бросилъ, надругался. Наконецъ я увидѣлъ васъ въ оперѣ, въ ложѣ, съ Ратисовою. Увидѣлъ и тогда же рѣшилъ: эта женщина должна быть снова моею, или я возненавижу ее и сдѣлаю ей все зло, какое только можетъ сдѣлать человѣкъ человѣку.

Людмила Александровна. Это бредъ какой-то... Вы съ ума сошли!.. Всего я ждала отъ васъ только не этого.

Ревизановъ (*смѣется*). Да? Такъ и запишемъ. Андрей Ревизановъ объяснился Людмилѣ Верховской въ любви, и Людмила Верховская прогнала его прочь. Но я не послушаюсь васъ и не пойду прочь, потому что вы прогнали меня необдуманно и въ концѣ концовъ полюбите меня.

Людмила Александровна. Никогда!

Ревизановъ. Переменимъ выраженіе: будете принадлежать мнѣ.

Людмила Александровна. А! Негодяй!

Ревизановъ. Опять рѣзкое слово. Хорошо пусть негодяй. Такъ что же? И негодяй можетъ быть влюбленнымъ. Скажу даже больше: влюбленный негодяй звѣрь весьма интерес-

ный. Влюбленный негодяй, напимѣрь, просить любви только одинъ разъ. Но, отвергнутый, не отступаетъ, а требуетъ ее, беретъ хитростью, силой, покупаетъ, наконецъ.

Людмила Александровна. И вы зовете это любовью!

Ревизановъ. Послушайте: ваша честь въ моей власти. Я продамъ вамъ эту власть.

Людмила Александровна. Боже мой! есть ли въ васъ стыдъ, Ревизановъ?!

Ревизановъ. Вы получите обратно всѣ ваши письма. А безъ этой улики я безсиленъ противъ васъ. Что же?

Людмила Александровна. Дьяволь вы или человѣкъ? я не знаю. Мужчина не рѣшился бы предлагать такую отвратительную подлость женщинъ, которую любилъ когда-то.

Ревизановъ. Когда-то я не любилъ васъ, Людмила Александровна. Я лишь забавлялся вами. А вотъ теперь люблю. Да, люблю взгляните на меня еще разъ такимъ мрачнымъ взглядомъ. Люблю васъ за это гнѣвное лицо, за эти огненные презрительные глаза... Я никогда не вѣрилъ въ силу мечты, а теперь познаю ее. Мои сны, мои думы полны вами. Вы ненавидите меня, а мнѣ пріятно быть съ вами. Каждое ваше слово дерзость, а для меня оно музыка. Но полно распространяться о любви: какимъ соловьемъ я ни пой, вы уже не влюбитесь въ меня, а принадлежать мнѣ вы, и безъ того, будете.

Людмила Александровна (*которая, едва, слушая послѣднія слова Ревизанова, горько плакала, прерываетъ его умоляющимъ жестомъ*). Сжальтесь надо мною! Я съ трудомъ сдерживаю себя. Если вы продолжите ваши объясненія, я кончу истерикою. Неужели это также входитъ въ ваши расчеты?

Ревизановъ *встаетъ*. О, нѣтъ. Но надо же выяснить наши отношенія. Послѣдній вопросъ отвѣчайте на него безъ лишнихъ словъ и оскорбленій: согласны вы быть моею?

Людмила Александровна. Нѣтъ.

Ревизановъ. Это окончательный отвѣтъ? Подумайте.

Людмила Александровна. Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ.

Ревизановъ. Тогда выслушайте и мое послѣднее слово. Я даю вамъ почти недѣлю срока. Сегодня понедѣльникъ. Если въ субботу я не увижу васъ у себя, ваши письма получатъ огласку.

Людмила Александровна. Въ какую пропасть я попала!

Ревизановъ. Такъ какъ же?

Людмила Александровна. Не знаю. Я... я совсѣмъ сбилась съ толка...

Ревизановъ. Я буду считать ваши слова за согласіе.

Людмила Александровна. Нѣтъ! нѣтъ! Ради Бога, нѣтъ! Я должна подумать. Не отнимайте у меня хоть этого права.

Ревизановъ. Какъ угодно. Вся эта недѣля въ вашемъ распоряженіи. Въ субботу я буду ждать васъ до часу ночи. (*Молчаніе*). Карточку съ моимъ адресомъ позвольте вамъ вручить. До свиданья.

Съ поклономъ уходитъ. Людмила Александровна, рыдая, падаетъ на кушетку.

Занавѣсъ.

Дѣйствіе II

У Ратисовыхъ.

Полутемная гостиная. Изъ дверей налѣво бьетъ яркій свѣтъ, слышенъ гулъ общаго разговора.

Людмила Александровна (*сидитъ одна, въ глубокой задумчивости*). Тьма во мнѣ. Мысли всѣ такія пугливыя, спутанныя... на сердце камень. Разобраться не могу: что я совсѣмъ пропала, безвыходно и безнадежно? или и бояться мнѣ нечего, и опасности никакой нѣтъ, и угрозы Ревизанова просто дерзкое хвастовство нахальнаго человека съ расчетомъ на слабые женскіе нервы? Чего бояться? чего? Есть ли смыслъ Ревизанову, въ его блестящемъ, видномъ положеніи, запятнать, вмѣстѣ съ моимъ, и свое имя! Вѣдь не думаетъ же онъ, что доведенная до позора и отчаянія, я не обличу всей его подлости, всѣхъ его наглыхъ вымогательствъ?.. А все-таки... жутко!

Входятъ Синевъ и Сердецкій.

Синевъ. Что это вы уединились, кухня? да еще въ потемкахъ?

Людмила Александровна. У меня отъ вашей болтовни и смѣха разболѣлась голова.

Сердецкій. Смѣха? Да вы въ теченіе всего обѣда ни разу не улыбнулись.

Людмила Александровна. Зато другіе смѣялись слишкомъ много и громко.

Синевъ. Мы тутъ ни при чемъ: благодарите г. Ревизанова.

Людмила Александровна. Аркадій Николаевичъ, какъ понравился вамъ этотъ господинъ?

Сердецкій. Любопытный типикъ. Я еще не встрѣчалъ такихъ?

Людмила Александровна. Онъ вамъ не противенъ?

Сердецкій. Мнѣ? Богъ съ вами, душа моя. Люди давно перестали быть мнѣ милы, противны, симпатичны, антипатичны. Для меня общество лабораторія; новый знакомый – объектъ для наблюдений, человѣческій документъ, – и только.

Синевъ. У г. Ревизанова, надо полагать, имѣется приворотный корень. Мы съ вами, Людмила Александровна, одни въ открытой оппозиціи. Аркадій Николаевичъ, какъ хитрый Талейранъ, держитъ нейтралитетъ. А Степанъ Ильичъ и Ратисовъ прямо влюблены: глядятъ Ревизанову въ глаза, поддакиваютъ, хохочутъ на каждую остроту... чортъ знаетъ, что такое!.. Объ Олимпіадѣ Великолѣпной я уже не говорю. Сія рыжая, но глупая Венера прямо потопила его волнами своей симпатіи.

Сердецкій. Вы смѣтаетесь надъ другими, а сами, кажется, больше всѣхъ заинтересованы ими, таинственнымъ незнакомцемъ.

Синевъ. Мое дѣло особое.

Сердецкій. Почему же?

Синевъ. Потому, что сколько вору ни воровать, а острога не миновать. У меня есть предчувствіе, что мнѣ еще придется со временемъ возиться съ г. Ревизановымъ въ слѣдственной камерѣ. Сейчасъ онъ разглагольствовалъ, свои убѣжденія развивалъ... Ну, ну! не желалъ бы я попасть въ его лапы.

Людмила Александровна. А!

Синевъ. Вы посмотрите на его фізіономію: маска. Нѣжность, скромность, благообразіе; не лицо, а «Руководство хорошаго тона»; губы съ улыбочкой, точно у опереточной примадонны. А въ глазахъ сталь: не зѣвай, молъ, человѣче, слопаю!

Слуга входит, открываетъ электричество и уходитъ. Людмила Александровна встаетъ, закрывая глаза рукою.

Э! что съ вами, кузина?

Людмила Александровна. Въ вискахъ нестерпимая стукотня...

Сердецкій. Вы, если очень дурно, домой фхали бы...

Людмила Александровна. Нѣтъ, я пойду – прилягу въ будуаръ Липы... дайте мнѣ вашу руку, голова кружится...

Уходитъ, опираясь на Сердецкаго.

Входитъ Митя. Въ столовой хохотъ.

Синевъ. А! юный побѣдитель поношенныхъ сердець!

Митя. Ты опять дразнишь меня? Такъ я лучше уйду. Я сегодня не въ духѣ.

Синевъ. Нырнулъ въ море унынія?

Митя. На самое дно.

Синевъ. Это съ какой же стати?

Митя. Такъ.

Синевъ. Въ твои годы слово «такъ» переводится на русскій языкъ двояко: или коль за Цицерона, или огорченіе въ платонической любви. Ну! кто виноватъ? Маркъ Туллій или тетя Липа?

Митя. Ахъ, дядя! Есть чувства...

Синевъ. Ага! уже есть чувства! Bravo, Митя, bravo! Ты дѣлаешь успѣхи...

Митя. Тебѣ бы только смѣяться надъ всѣмъ святымъ... возвышенными.

Синевъ. Не смѣюсь, Митяй, ей Богу, не смѣюсь, но плачу, горькими слезами плачу, что она сегодня прицѣпилась репейникомъ къ Ревизанову, а на тебя – ноль вниманія.

Митя. И что она въ немъ нашла? Только-что – капиталистъ!

Синевъ. Да. А ты – только что гимназистъ. Въ томъ, главнымъ образомъ, между вами и разница. И вотъ что скверно: замѣчено учеными, что женщины гораздо чаще предпочитаютъ капиталистовъ гимназистамъ, чѣмъ наоборотъ. Знаешь что? Вызовемъ-ка его на дуэль?

Митя. А ты думаешь, я не способенъ?

Синевъ. О, смѣю ли я сомнѣваться?

Митя. Я такой! Я, еще въ третьемъ классѣ, убѣждалъ было въ Америку, къ индѣйцамъ... Вотъ я какой!

Синевъ. Не дошелъ?

Митя. Вернули... Отъ Тверской заставы.

Синевъ. Жаль! А то бы недурно его... по-индѣйски: сперва подстрѣлить, а потомъ скальпировать...а?

Митя (*презрительно пожавъ плечами, декламируетъ изъ «Горя отъ ума»*) Шутить и вѣкъ шутить какъ васъ на это станеть?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.